

DOI: 10.15372/HSS20170403
УДК 947.065/066(571)

А.В. ДМИТРИЕВ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ
С ГРАЖДАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ И НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена анализу повседневной жизни и бытового поведения военнослужащих частей русской армии в Сибири в XVIII в. На архивных материалах рассмотрены характерные эпизоды из сферы взаимоотношений военнослужащих с гражданскими властями и населением. Установлено, что их взаимоотношения могли принимать различные формы – от сотрудничества до конфликтов. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления, а также постоянные затруднения при удовлетворении бытовых потребностей военнослужащих, связанные со спецификой условий жизни в Сибири, нередко приводили к превышению военными своих полномочий или передаче в их ведение дел, относившихся к компетенции гражданской администрации.

Ключевые слова: Русская армия, Сибирь, XVIII в., повседневная жизнь, военнослужащие, гражданские власти, население, конфликты.

A.V. DMITRIEV

**THE RELATIONS BETWEEN REGULAR ARMY SERVICEMEN,
CIVIL AUTHORITIES AND POPULATION IN SIBERIA
IN THE 2nd HALF OF 18th CENTURY**

Novosibirsk National Research State University,
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to studying the mutual relations between regular army servicemen, civil authorities and population in Siberia in the second half of the XVIII century. Everyday life of people, who were at service in the Russian empire's army in the XVIII century, is not studied properly, although the contacts between military men and civilians took place constantly concerning a really wide range of issues: collection of taxes and fees, military troops' accommodation, maintenance of police order, etc. Based upon Siberian materials particularly, this problem is even more worthy of consideration. The research source base includes data of collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO).

The archive research led the author to the following conclusions. First, the military powers have been obliged inevitably to take some measures related to controlling the financial inflows' sphere. This could be explained with Siberia's extreme remoteness from the imperial centre and weakness of local civil authorities. The commandants of border fortresses and Siberian cities were responsible for collecting fees and preserving of money. Second, the military troops' accommodation inside the cities could turn into conflicts between the servicemen and local inhabitants, as well as local government officials. The state treasury was unable to provide permanent housing even for regular army's officers. This led to arbitrary actions and abuses by the military men, who preferred sometimes to solve their everyday problems by the use of excessive force. On the other hand, it should be noticed that the servicemen actions were strictly governed by the imperial laws and military regulations. The military command, in turn, tended to monitor enforcement of these laws and regulations.

Key words: Russian army, Siberia, XVIII century, everyday life, servicemen, civil authorities, population, conflicts.

Андрей Владимирович Дмитриев – канд. ист. наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: khaldeus@academ.org.

Andrey V. Dmitriev – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Novosibirsk National Research State University.

История регулярной армии Российской империи на протяжении XVIII в. до сих пор изучена далеко не полностью. Количественный и качественный состав вооруженных сил, государственная политика в сфере комплектования и материального обеспечения, по крайней мере, становились предметом исследования в ряде обобщающих работ [1; 2]. Но повседневной жизни и сфере быта лиц, несших службу в армейских частях, до сих пор практически не уделено внимания. А между тем именно изучение этих сфер дает возможность увидеть русскую армию XVIII в. «изнутри», через призму повторяющихся практически ежедневно ситуаций, связанных с исполнением военнослужащими своих обязанностей, круг которых был весьма широким, зачастую не ограничивался только военными «экзерцициями». Чрезвычайный интерес представляют взаимоотношения военнослужащих с гражданским населением в тех случаях, когда обе стороны непосредственно контактировали друг с другом – при отводе квартир, сборе податей и пр.

Единственной известной нам попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С.В. Карпушенко [3]. Правда, она относится скорее к популярному жанру, представляя собой ряд очерков, в которых описывается пребывание солдат и офицеров русской армии на постое и в лагерях, процедуры выплаты им денежного жалования, используемые формы одежды, нормы питания, особенности уклада семейной жизни и т. д. Ссылок на привлекаемые источники и литературу автор практически не приводит. Несколько публикаций посвящено взаимоотношениям военнослужащих с населением в тех регионах, где армейские части были дислоцированы на постоянных квартирах [4; 5]. Однако о порядке выплат рядовым и офицерам денежных сумм в ряде работ содержится лишь общие фразы, не связанные с какими-либо конкретными примерами [6; 7]. При этом все отмеченные выше аспекты изучались в основном на материалах европейской части страны.

Жизнь и быт военнослужащих, находившихся в Сибири, до сих пор не стала предметом научного исследования. Лишь в трудах А.А. Пережогина и С.В. Андрейчука, а также в одной из недавних работ Г.Ф. Быкони мы находим некоторые сведения, относящиеся к интересующим нас сюжетам [8; 9; 10]. Но и в этих публикациях они носят подчиненный характер, не являясь предметом специального анализа. Однако в архивных материалах из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО) нам все же встретились некоторые данные, характеризующие особенности повседневного несения службы на «сибирской окраине».

Следует заметить, что для Сибири в XVIII в. вообще была характерна высокая степень милитаризации аппарата государственного управления, так что военные имели достаточно возможностей, санкциониро-

ванных имперским законодательством, для вмешательства во многие сферы повседневной жизни региона. Однако даже данных им законом прав не всегда хватало для разрешения тех или иных проблем, что нередко вынуждало отступать от действующих норм. Проблема соотношения закона и практики оказывалась весьма актуальной, особенно с учетом того, что регулярная армия была тем государственным институтом, который при необходимости мог подавлять и замещать собой любые другие институты, располагая монополией на применение вооруженного насилия.

В условиях неразграниченности сфер военного и гражданского управления в имперском аппарате власти люди в мундирах оказывали непосредственное влияние на ход практически любых дел на местах, даже не относившихся напрямую к сфере их компетенции. Так, военным комендантам сибирских крепостей, помимо вопросов, связанных со строительством и поддержанием в порядке укреплений, зачастую приходилось принимать участие в организации контроля за деятельностью фискальных органов, относившихся формально к сфере гражданской администрации. Так, в середине 1770-х гг. сибирский губернатор Д.И. Чичерин договорился с командующим Сибирского корпуса, генерал-поручиком А. Скалоном, чтобы собираемые ежегодно в Омской крепости налоги и откупа за продажу казенного вина принимала в приход и содержала в арсенале, «не смешивая с другими с чинами за надлежащим караулом», тамошняя комендантская канцелярия, при этом только сообщая сведения о поступавших сборах Тарской воеводской канцелярии, которая должна была распоряжаться этими деньгами по ведомственной принадлежности¹.

Из письма губернатора Чичерина преемнику Скалона генерал-майору Н. Огареву (1777 г.) также выясняется, что в других крепостях Иртышской линии (Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской) не только питейные сборы, но и прочие канцелярские и подушные деньги уже состояли в ведении именно комендантских канцелярий, «которые приход и расход оным и свидетельство по наличию казны, а затем и отправление рапортов и ведомостей в вышние правительствы производят»². Исключение составляла только денежная казна таможенного сбора, остававшаяся в ведении назначаемых по линии гражданского ведомства комиссаров. Чичерин известил Огарева о своем согласии дать крепостным комендантам полномочия для хранения накапливающихся в таможенных денежных сумм: «Таможенной во всех крепостях сбор подвергнуть под стражу гаспод камендантов... относить в арсенал и тамо принимать под стражу и печать каменданскую купно с таможенным камисаром»³. Данные факты свидетельствуют о том, что в пограничных городах и крепостях Сибири военным комендантам

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 112, 112 об.

² Там же. Л. 112 об.

³ Там же. Л. 113.

предоставлялись значительные полномочия даже в тех сферах (прежде всего, связанных с государственными финансами), которые должны были относиться к компетенции органов гражданского управления.

Видимо, не редкостью были случаи, когда военные командиры, даже не имея на то специальных полномочий, начинали вмешиваться в сферы деятельности, относившиеся к компетенции гражданской администрации. В качестве примера можно привести действия подполковника И. Сверчкова в должности коменданта г. Кузнецка в 1772 г. Он получил эту должность в связи с расформированием полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1771 г., когда состоявшие в упомянутых полках штаб-офицеры, не назначавшиеся командирами легких команд и батальонов, определялись комендантами пограничных крепостей и крупных городов Западной и Южной Сибири. Командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И.А. Деколонг отправил Сверчкова в Кузнецк и придал ему для расквартирования в городе 3-ю роту Бийского гарнизонного пограничного батальона⁴. Прибыв в город уже в мае 1772 г., Сверчков развернул бурную деятельность, потребовав, в частности, от здешней воеводской канцелярии предоставить ему ведомости с данными, включающими 15 пунктов.

Список этих пунктов содержал не только, к примеру, «опись артиллерии с ее принадлежностями... о крепосных цейхаузах, сколько во оных каких именно есть вещей» и прочие данные о городском военном гарнизоне, но также, например, «о полиции, кто при оной есть определенной для исправления той должности... о пожарных инструментах, сколько оных и какие по званию... имянный список всем жителям в городе, какого б звания оныя ни были, с названием улиц, кто в которой дом свой имеет... сколько именно есть купечества, и все ль оныя живут в городе или есть из оных по деревням... список, сколько есть ссыльных колодников вечно или на урочные годы, и на каком доволствии содержатся»⁵. Как видно из этого документа, комендант не только обязан был заботиться о крепостных сооружениях и воинских припасах, но также считал себя вправе надзирать и за полицией с караулами, и за противопожарной безопасностью, и фактически за всеми жителями города, о каждом из которых требовал подробных сведений.

Кузнецкий воевода отправил полный список сведений, который запросил комендант Сверчков, в Тобольск, где губернатор Д.И. Чичерин, рассмотрев перечень, наложил свои резолюции по каждому пункту. С большинством из них он согласился, но по двум последним пунктам Чичерин отнюдь не одобрил рвения коменданта, наложив о купечестве ироническую резолюцию «што ему до того дела?», а о колодниках указал, что «и до того дела нет, ибо ежели и есть, то оныя

в ведомстве канцелярии воеводской состоят»⁶. Таким образом, губернатор все же достаточно точно определил границы полномочий военного коменданта Кузнецка, запретив ему вмешиваться в те дела, которые не относились к сфере его компетенции.

Касаясь взаимоотношений военнослужащих с гражданским населением, нельзя не отметить одного любопытного дела, в разбирательство которого вынужден был вмешаться сам корпусной командир И. фон Шпрингер в 1768 г. Речь идет о пребывании в г. Енисейске направленного туда из расположения Колыванского полевого драгунского полка «для приему и привозу на полк сапожного подряду» поручика Дубровина с командой драгун, которые обвинялись в причиненных городским обывателям «разных обидах и нападках». Все началось с того, что драгун Иван Мингалев 27 ноября 1767 г. приставал на улице к вдове казака Черкашенинова Марии, а также, призвав себе в помощь двоих драгун из команды капитана Е. де Гарриги – Михаила Токарева и Ивана Ложникова, пытался сорвать с женщины шубу. За нее вступились двое посадских, после чего драгуны завязали с ними драку, причем Мингалев пытался ударить одного из них по голове обнаженной шпагой⁷.

Поручику Дубровину донес о происшедшем вахмистр Груздев, однако тот, вопреки уставу, не пожелал допрашивать своего подчиненного, а также самолично явился в полицию доказывать, что его подчиненный не виноват в случившемся, причем «с озарту приказывал двери и окна выбивать и случившихся во оной служителей сквернословил и угрожал». Затаив обиду на чиновников, Дубровин буквально через несколько дней известил их, «что он для предосторожности команды ево при государевых лошedah обретающагося караула по силе и должности воинского артикула в ночное время будет отправлять дозор, о чем бы для сведения и рогаточным караулам объявить»⁸. В результате на протяжении следующих дней Дубровин со своей командой буквально затерроризировал горожан, хватая попадавших ему в ночное время на улицах людей и сажая их под караул.

Как констатировал разбиравший это дело корпусной обер-аудитор А. Самарин, «вместо того, чтоб пустые страхи от граждан себе воображать, гораздо б сходнее было, если бы он свою малочисленную команду, коей не более было, как видно из дела, толко семь человек, постарался строже содержать и лишняя затеи для увеличения своего тщеславия откинуть»⁹. Чиновники Енисейской провинциальной канцелярии, не имея возможности противодействовать ему силой, вынуждены были ограничиться вынесением резолюции, «чтоб за командою ево, Дубровина, крайне надсматривать, дабы от оной не причинилось обывателям какого от самовольства,

⁶ Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 20 об.

⁸ Там же. Л. 21–22.

⁹ Там же. Л. 22 об., 23.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 877. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2, 2 об.

ходя ночными временами, нападения и озорничества, и естли что найдется от той команды противное, рапортовать»¹⁰, однако понятно, что воплотить это намерение в жизнь у них все равно не было возможности.

Не лучше вел себя и находившийся тогда же в Енисейске ротный командир Колыванского полка и непосредственный начальник Дубровина капитан Е. де Гаррига. Последний попытался самовольно устроиться на постой в квартиру к купцу Шишкину, ворвался к нему в дом с несколькими драгунами, а когда хозяин дома пожаловался президенту Енисейского провинциального магистрата Дементьеву, и тот явился к месту происшествия, то его вместе с сопровождающими встретили побоями и матерной бранью драгуны, схватив при этом назначенного от магистрата квартирмейстера Агапитова. И хотя на следующий день капитан де Гаррига вместе с Дубровиным пришли в магистрат, чтобы помириться с президентом, однако в дальнейшем оба они оправдывали свои действия тем, что якобы на дворе у купца Шишкина собралось до полусотни мужиков с кольями, имевших намерение бить драгун.

Енисейская провинциальная канцелярия 9 декабря 1767 г. отправила составленный ее чиновниками экстракт о поступках капитана де Гарриги и поручика Дубровина в Сибирскую губернскую канцелярию, а также в канцелярию Колыванского полка его командиру – полковнику Ф. де Гарриге. Последний переправил материалы командиру бригады – генерал-майору П. Девицу в Омск, а тот, не пожелав сам выносить решение по делу, сообщил губернатору Д.И. Чичерину, что «хотя б и надлежало учинить исполнение, обидимых без удовольствия, а виновных без штрафа не оставить, однако ж должно ево конфермовать» самому командующему Сибирского корпуса генерал-поручику И. фон Шпрингеру.

Прибывший из Москвы в Омск в мае 1768 г. Шпрингер быстро разобрал дело вместе с обер-аудитором Самариным и вынес решение: поручика Дубровина разжаловать на треть года в прапорщики; капитана де Гарригу посадить под арест на неделю и сократить срок засчитываемой выслуги в нынешнем чине; драгуна Мингалева «высечь нещадно батоги», а других драгун «штрафовать тростми, и все сих наказаниям записать в журнал»¹¹. Военное командование не стало заботиться о чести мундира, а приняло сторону гражданских властей, вынеся наказания (пусть и довольно мягкие) военным служащим. По мнению Г.В. Калашникова, пребывание солдат и офицеров на постое по квартирам городских обывателей могло иметь как положительные для обеих сторон, так и негативные для горожан последствия [11]. В данном случае мы имеем дело как раз с отрицательными эффектами.

Одной из актуальных проблем для военнотружущих русской армии на всем протяжении XVIII в. оста-

валась проблема «крыши над головой». Как известно, сразу после смерти Петра I система размещения войск в сельской местности на постой в крестьянских домах, согласно Плакату о сборе подушном, была отменена. Решением Верховного тайного совета армейские части выводились из деревень в города, где «салдаты будут жить особыми слободами в одном месте» [3, с. 22]. Это решение было впоследствии подтверждено – к концу правления Анны Иоанновны (в 1739 г.). Уже в середине XVIII в. в большинстве городов Российской империи были построены слободы, состоявшие из небольших деревянных домов, в которых квартировали рядовые военнотружущие. Офицеры, если располагали достаточными средствами, пытались добиваться отвода им земельных участков для строительства собственных домов. Однако штаб-офицеры, особенно занимавшие должности полковых командиров и комендантов крепостей и городов, старались получить для себя казенные дома, чтобы не тратиться на обзаведение жильем. Так произошло и в Тобольске.

В 1752–1753 гг. бывший командир Сибирского гарнизонного драгунского полка Я. Павлуцкий, ставший к тому времени обер-комендантом в Тобольске в чине бригадира, просил Военную коллегию распорядиться о постройке для него в городе казенного дома по согласованию с Сибирской губернской канцелярией. При этом он ссылаясь на то, что «по силе указов в Петербурге, в Ревеле, в Пернове, в Выборге и в Казане обер-камендантские и камендантские дома имеются казенные»¹². Павлуцкий предлагал, чтобы губернская канцелярия только выделила средства на покупку земельного участка, а заготовку строительных материалов и их доставку готов был организовать силами подчиненных ему солдат. Для выплаты губернским чиновникам цены участка, а также «заработных денег» солдатам и казакам комендант просил «откуда коллегия за благо разсудит определить выдать денег до 300 рублей». Однако просьба Павлуцкого, переправленная из Военной коллегии в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, встретила резкое возражение со стороны последней, запрашиваемые средства канцелярия отказалась выделять.

Комендант Я. Павлуцкий в 1755 г. уже успел заготовить силами солдат и казаков нужное количество леса, однако, не получив денег на оплату постройки дома, вынужден был «по крайней необходимости, что уже и жить ему было негде... купить с крайним себе отягощением в Тобольску готовой обывательской дом ценою в 200 рублей, и за недовольным числом в оном покоев ис купленного ж им лесу построил вновь 4 светлицы с сенями, которые коштывали более 300 рублей»¹³. В 1758 г. он попытался продать этот перестроенный дом казне, оценивая его уже в 500 руб., однако сделка сорвалась. Хотя в 1760 г. генерал-фельдцейхмейстер, граф П.И. Шувалов дал согласие

¹⁰ РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 25 об. – 26 об.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 5, 5 об.

¹³ Там же. Л. 6 об. – 7 об.

на то, чтобы «удовольствоваться» деньгами Павлуцкого (к тому моменту уже вышедшего в отставку с чином генерал-майора), посчитав, что «тот дом и для будущих камендантов может быть потребен», но Сенат своим указом в 1761 г. предписал «Сибирской губернии в городе Табальске для житъя обер-комендантов дом в пристойном месте построить деревянной из тамошних сибирских подлежащих до Штатс-конторы доходов, а купленного генерал-майором Павлуцким дому в казенной не брать и денег не платить»¹⁴.

В целом рассмотренные выше эпизоды наталкивают на мысль, что даже несмотря на весьма подробную и детальную регламентацию повседневного поведения солдат и офицеров русской армии XVIII в. как при исполнении тех или иных служебных поручений, так и в бытовых условиях, соблюдать эти предписанные нормы на практике нередко было затруднительно. Это касается не только денежных расчетов с государственной казной, но и пределов компетенции и полномочий военных чинов во взаимоотношениях с органами гражданской администрации и городскими обывателями. В условиях чрезвычайной отдаленности сибирского региона и, как следствие, ослабления здесь контроля имперской власти за действиями подданных, такая тенденция неизбежно выливалась в разного рода злоупотребления, иногда с применением силы со стороны военных.

Вместе с тем мы вправе заключить, что военные играли видную роль в жизни тех городов и уездов империи, где были расквартированы армейские части. Объясняется этот эффект двумя существенными факторами: во-первых, дефицитом ответственных исполнителей на местном уровне государственного управления: в частности, военным комендантам приходилось нередко брать на себя функции, относившиеся к сфере компетенции гражданских чиновников; во-вторых, слабостью, иногда практически полным отсутствием специализированных структур, отвечающих за жизнеобеспечение вооруженных сил страны. Военнослужащим приходилось собственными силами обустроить свой быт, изыскивать необходимые для этого материальные ресурсы. В Сибири, с ее громадными расстояниями и очень низкой плотностью населения, последнее оказывалось особенно сложной задачей. В этих условиях военные неизбежно «заполняли собой» тот организационно-управленческий «вакуум», который постоянно возникал в восточной части империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в.: очерки. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
2. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1995. 296 с.
3. Карпущенко С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 13–150.
4. Латин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 135–164.
5. Субботина (Яковлева) Л.Е. Натуральный постоя в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.
6. Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1900. Вып. 1. 200 с.
7. Тиванов В.В. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М.: ГФА, 1993. 254 с.
8. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: АГУ, 2005. 262 с.
9. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
10. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск: КГПУ, 2007. 414 с.
11. Калашников Г.В. К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апреля 2002 г.). Тверь; Кашин; Калязин, 2002. Ч. 1. С. 152–162.

REFERENCES

1. Beskrovnyi L.G. Russian army and navy in the XVIII century (essays). Moscow: Voenizdat, 1958, 645 p. (In Russ.)
2. Leonov O. G., Ulyanov I. E. Russian infantry, 1698–1801: combat chronicle, organization, uniform, armament, equipment. Moscow: AST, 1995, 296 p. (In Russ.)
3. Karpushchenko S.V. The army weekdays: barrack, cereal, treasury, caftan. *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, 1999, pp. 13–150. (In Russ.)
4. Latin V.V. The accommodation service in Russia. *Angliyskaya naberezhnaya, 4: ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov.* Saint Petersburg, 2000, pp. 135–164. (In Russ.)
5. Subbotina (Yakovleva) L. E. The natural accommodation in the XVIII-XIX centuries: from exemptions to civilized relations between the army and population. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 2007, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.)
6. Solovyev N. I. The historical essays on the Russian troops' organization and allowance in the first half of XVIII century (1700–1761). Saint Petersburg: Trenke & Fyusno Tip., 1900, iss. 1, 200 p. (In Russ.)
7. Tivanov V. V. The Finances of the Russian army (the XVIII – early XX centuries). Moscow: GFA, 1993, 254 p. (In Russ.)
8. Perezhogin A. A. The militarized system of managing the Kolivan-Voskresensk (Altay) Mining District (1747–1871). Barnaul: AGU, 2005, 262 p. (In Russ.)
9. Andreichuk S. V. Siberian corps in the military security system at the south of West Siberia (1745–1808): diss. thesis. Barnaul, 2010, 24 p. (In Russ.)
10. Bykonya G. F. The Cossacks and other service population of East Siberia in the XVIII – early XIX centuries (a demographic-estate aspect). Krasnoyarsk: KGPU, 2007, 414 p. (In Russ.)
11. Kalashnikov G. V. On the problem of troops' accommodation in Russian cities in the first half of the XVIII century. *Goroda Evropeyskoy Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XIX v.: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (25–28 apr. 2002 g.).* Tver'; Kashin; Kalyazin, 2002, pt. 1, pp. 152–162. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2017

¹⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 9–10.